

Старец Московского Новоспасского монастыря Филарет (Пуляшкин) и супруги Киреевские

Старец Филарет (Пуляшкин) — последователь традиций старца Паисия (Величковского)

В жизнеописании старца Филарета, составленном архимандритом Григорием (Воиновым-Борзецовым), указано, что он родился 9 мая 1758 г.¹ Подтверждают эту дату и сведения о могиле старца, скончавшегося 28 августа 1842 г.: «На могильном камне поставлен мраморный крест, а на боковой левой стороне камня, представляющего пьедестал для креста, вырезана надпись, обозначающая время рождения, кончины Филарета и продолжительность его жизни, коей было 83 года, три месяца и 19 дней»². И.М. Снегирёв в своей книге «Новоспасский монастырь», вышедшей в 1843 г. двумя изданиями, в главе о монастырском некрополе писал: «В августе 1842 года прибавилась еще почтенная могила, при входе в усыпальницу, 85-летнего старца Филарета, в схиме Феодора»³. В 1846 г. И.В. Киреевский составил краткое жизнеописание старца, в котором даты его рождения нет, но говорится, что старец Филарет отошел ко Господу «на 84 году от рождения»⁴. Таким образом, в приведенных источниках, прямо или косвенно указывающих на дату рождения старца, есть некоторые различия. Значительно большее разночтение содержит в себе другой исторический источник — формулярная ведомость монашествующих Новоспасского монастыря за 1815 г. В этом документе отмечен возраст иеромонаха Филарета — 63 года⁵, из чего следует, что он родился в 1752 г. Подтвердить или опровергнуть приведенные сведения можно будет только при обнаружении новых достоверных материалов.

Феодор Николаевич Пуляшкин, сын купца из города Вязьмы, воспитанный благочестивыми родителями, уже в ранней юности вполне оправдал данное ему в монашестве имя — Филарет, что означает «любитель добродетели». Тринадцатилетним мальчиком он поступил в Петербургский Александро-Невский монастырь, откуда через полгода перешел в Саровскую пустынь. В этой обители, славившейся строгостью монашеской жизни и благочинием церковных служб, «три года он был звонарем, потом трудился в хлебной, квасоварне, три года в просфорне и, наконец, проходил пономарскую должность»⁶.

¹ Григорий (Воинов-Борзецов), архим. Очерк жизни старца Филарета (в схиме Феодора), иеромонаха Московского ставропигиального Новоспасского монастыря // Сборник для любителей духовного чтения. Ч. 4. М., 1890. С. 89.

² Там же. С. 112–113.

³ Сн<егирёв> И.<М.> Новоспасский монастырь. М.: Тип. С. Селивановского, 1843. С. 86–87; Сн<егирёв> И.<М.> Новоспасский монастырь. М.: Тип. А. Семена, 1843. С. 84.

⁴ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Свято-Введенская Оптина пустынь. 2001. С. XI.

⁵ См.: Савва (Михеев), митр., Виденева А.Е. Московский Новоспасский монастырь: очерки истории XVII — начала XXI столетия. М., 2019. С. 823.

⁶ Григорий (Воинов-Борзецов), архим. Очерк жизни старца Филарета (в схиме Феодора), иеромонаха Московского ставропигиального Новоспасского монастыря // Сборник для любителей духовного чтения. Ч. 4. М., 1890. С. 91.

В монастыре Феодор был пострижен на 28-м году жизни 4 апреля 1786 г. в Московском Симоновом монастыре, где проходил послушание вместе с родным братом, принявшим монашеский постриг годом ранее. В той же обители 8 мая 1787 г. монах Филарет был рукоположен в иеродиакона. В 1788 г. из упраздненного за обветшалостью Симонова монастыря он был переведен в Петербург и помещен в число братства Александро-Невского монастыря, где 21 мая 1789 г. был рукоположен в иеромонаха.

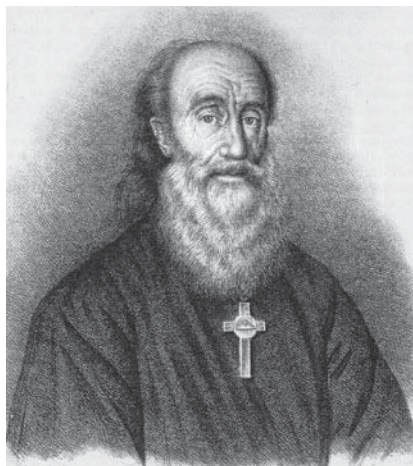
Из Москвы отец Филарет был вызван в северную столицу «как монах строгой жизни»⁷ митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Гавриилом (Петровым). Оценив в о. Филарете духовную опытность и знание иноческой жизни, митрополит Гавриил избрал его вместе с несколькими старцами в число советников, состоявших при ученых Александро-Невской духовной семинарии, которым было поручено проверить выполненный молдавским старцем Паисием (Величковским) перевод с греческого языка книги «Добротолубие». Митрополит Гавриил очень почитал старца Паисия и неоднократно просил прислать плод его многолетнего труда, но старец по смирению долго не решался на это. Наконец один из учеников старца доставил митрополиту греческий подлинник и перевод, и после тщательной сверки славянское «Добротолубие» было напечатано в Московской Синодальной типографии в 1793 г., незадолго до кончины старца Паисия.

Избрание иеромонаха Филарета в число советников вместе с игуменом Валаамского монастыря Назарием (Кондратьевым), иеромонахом Феофаном (Новоезерским) и схимонахом Афанасием (Охлопковым), привезшим труд старца Паисия, — свидетельство высокой оценки духовных дарований будущего старца Филарета. Ученым переводчикам, в свою очередь, митрополит Гавриил объяснил необходимость обращаться за советом в трудных случаях к старцам: они «хотя и не знают так, как вы, греческого языка, но лучше вас знают из опыта духовные истины, не постигаемые одним только книжным учением, и потому правильнее вас могут понимать смысл наставлений, содержащихся в этой книге»⁸.

Старец Паисий (Величковский) хотя и провел свою жизнь вне России, но оказал огромное влияние на русское монашество — содействовал примером своей жизни и своими трудами возрождению прерванной византийской созерцательной и аскетической традиции. Старец Паисий поставил себе целью изучение и распространение творений святых Отцов, недоступных большинству монашествующих. Рукописные подлинники святоотеческих писаний к концу XVIII в. сделались величайшей редкостью, а их копии с течением времени наполнились таким количеством погрешностей, что исправлению уже не поддавались, поэтому старец Паисий и принял на себя труд подготовки новых переводов. Кроме «Добротолубия», настоящим его переводческим подвигом стала книга Исаака Сирина «Слова духовно-подвижнические» и другие святоотеческие творения, никогда не переводившиеся на славянский язык. Драгоценным наследием старца Паисия являются также написанные им толкования на молитвы и тексты Священного Писания. Кроме книжных трудов, старец Паисий прославился строгостью жизни, привлекая тем к себе учеников, которые

⁷ Там же. С. 92.

⁸ Макарий (Миролюбов), архим. Сказание о жизни и трудах преосвященнейшего Гавриила, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского. СПб., 1857. С. 77.

Старец Московского Новоспасского монастыря Филарет (Пуляшкин). Литография (1845 г.) с карандашного портрета худ. Добровольского (1834 г.)

впоследствии, так же действуя примером собственной жизни, передавали воспринятые ими от старца заветы новым поколениям подвижников.

Иеромонах Филарет не был лично знаком с великим старцем Паисием (Величковским)⁹, но питал благоговейную любовь к нему. С раннего детства упражняясь в молитве и в чтении духовных книг, отец Филарет приобрел необыкновенную начитанность, и труды старца сыграли в этом большую роль. Значение деятельности старца Паисия (Величковского) огромно: «В русском церковном развитии святость и ученость оказались разомкнуты, — писал протоиерей Георгий Флоровский. — В традиции старца Паисия приоткрывалась возможность нового смыкания и замыкания»¹⁰.

Важную роль в духовном становлении отца Филарета сыграло также его пребывание в Саровской пустыни в те годы, когда там подвизался старец Серафим. Приобретенный тогда бесценный опыт приблизил будущего старца Филарета к усвоению мудрости, почерпнутой из книг. «Преподобный Серафим, — по словам протоиерея Георгия Флоровского, — внутренне принадлежит византийской традиции. И в нем она вновь становится вполне живой»¹¹. Вдохновленный примером жизни и трудов великих старцев, отец Филарет сделался ревностным последователем паисиевой традиции.

В 1794 г. иеромонах Филарет перешел в Московский Новоспасский монастырь, где провел последние 48 лет своей жизни, покинув обитель только на время наполеоновского нашествия. Из жизнеописания старца Филарета известно, что он несколько лет пребывал «в подвиге строгого безмолвия»¹², а остальную часть своей жизни в монастыре, предположительно с 1809 или 1810 г., посвятил служению ближним. Приняв на себя труд духовничества, старец Филарет еще более углубился в чтение святоотеческих писаний. Следуя примеру старца Паисия, он так же собирал и изучал старинные духовные книги и много трудился в переписывании их.

Старец Филарет был неутомимым тружеником и строгим постником. Постоянно воздерживаясь в пище, «он кушал только один раз в сутки, обыкновенно кашу на простом бульоне, или вместо обеда пил чашку чая с коркой белого хлеба. <...> На первой неделе поста и на Страстной седмице слабый,

⁹ Схиархимандрит Паисий Величковский (1722–1794) был прославлен в лике святых в 1988 г.

¹⁰ Георгий Флоровский, прот. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 392.

¹¹ Там же. С. 392.

¹² Григорий (Воинов-Борзецов), архим. Очерк жизни старца Филарета (в схиме Феодора), иеромонаха Московского ставропигиального Новоспасского монастыря // Сборник для любителей духовного чтения. Ч. 4. М., 1890. С. 95.

худощавый старец вовсе не принимал никакой пищи, разве только иногда по вечерам испивал немного теплой воды»¹³. Благодатные дары, которыми старец Филарет был награжден от Бога, сделали его очень известным. К его келье стекалось множество народа всякого звания: дворяне, крестьяне, молодые и старые искали у него совета и утешения.

В 1832 г. 74-летнего старца Филарета посетил будущий Оптинский старец — иеромонах Макарий, которому в это время было 44 года. В житии старца Макария говорится, что на пути из Петербурга в Площанскую пустынь, где он в это время подвизался, он «имел утешение проездом чрез Москву быть в Новоспасском монастыре у старца иеромонаха о. Филарета; его духовная беседа и глубокий разум, проникнутые силою и светом

*Преподобный Паисий (Величковский).
Портрет, помещенный при его житии
в 4-м номере журнала «Москвитянин»
за 1845 год*

благодати, и его любовь навсегда запечатлелись в сердечной памяти о. Макария»¹⁴. Период жизни, в который произошла эта встреча, был особенным для иеромонаха Макария — он испросил благословения у Оптинского старца Леонида и получил согласие настоятеля обители иеромонаха Моисея на принятие его в Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пустыни, куда и переехал на жительство в 1834 г.

В бытность свою в Площанской пустыни иеромонах Макарий был духовным чадом схимонаха Афанасия (Захарова) — ученика старца Паисия (Величковского) — и, таким образом, возрастал духовно в той же традиции, приверженцем которой с молодости сделался отец Филарет. У старца Афанасия хранились рукописи всех трудов его учителя, а также списки переведенных старцем Паисием трудов Исаака Сирина, Макария Великого, Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова и других святоотеческих творений. В 1825 г. земная жизнь духовного наставника отца Макария закончилась — старец Афанасий скончался на руках своего ученика. Тем более значимой и желанной была для иеромонаха Макария встреча с о. Филаретом — старцем, близким ему по духу.

Старец Филарет (Пуляшкин) и старица Московского Ивановского монастыря Досифея

Московская Старица Досифея, с 1785 г. бывшая насельницей Ивановского монастыря, относилась к иеромонаху Филарету с величайшим почтением. Случалось, что затворница отсылала к нему обращавшихся к ней за духовным советом. Так она поступила с юными братьями Тимофеем и Ионою

¹³ Там же. С. 108–109.

¹⁴ *Леонид (Кавелин), архим.* Житие Оптинского старца Макария: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1995. С. 52

Вид Московского Новоспасского монастыря. Гравюра. 1842 г.

Путиловыми, увидев в них искреннее стремление к духовной жизни. Братья Путиловы получили благословение отправиться «к вечно тихому пристанищу в Саровском Иерусалиме»¹⁵, как в письме к ним назвала старица Досифея Саровском пустынь. Тимофей впоследствии стал архимандритом Моисеем — настоятелем Оптиной пустыни. В течение 37-летнего его служения зародилось оптинское старчество, монастырь возрос духовно и расцвел внешним благолепием. Иона же, принявший в монашестве имя Исаия, навсегда связал свою жизнь с Саровской обителью и скончался в ней в сане игумена.

Однажды пришла к старице Досифее помещица Н.И. Курманалеева со своим горем. Узнав, что неутешная вдова знакома с иеромонахом Филаретом, монахиня Досифея поклонилась ей в ноги со словами: «Счастливица, ты знаешь такого великого старца и захотела видеть меня грешную, ничтожную! Держись сего старца, — он великий угодник Божий, блюди и исполняй его слово, открывай ему совесть, и Бог тебя спасет»¹⁶. Мудрые слова старицы оказали целебное действие на страждущую душу. Встреча с монахиней Досифеей, по признанию самой Н.И. Курманалеевой, вразумила ее, открыв глаза на старца, которого она, хотя и почитала, но не умела вполне ценить.

¹⁵ <Ювеналий (Половцев), архим.> Житие преподобного схиархимандрита Моисея Путилова. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1992. (Репр.: Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882.) С. 201.

¹⁶ Григорий (Воинов-Борзецов), архим. Очерк жизни старца Филарета (в схиме Феодора), иеромонаха Московского ставропигиального Новоспасского монастыря // Сборник для любителей духовного чтения. Ч. 4. М., 1890. С. 102–103.

Спасо-Преображенский собор Новоспасского монастыря. Открытка. XIX в.

Воспоминания Н.И. Курманалеевой — драгоценное свидетельство молитвенного общения, в котором пребывали инокиня Досифея и иеромонах Филарет. Ясно предвидя срок своей кончины, старица Досифея просила похоронить себя в Новоспасском монастыре против окон кельи старца Филарета, который столь же благоговейно относился к ней. По кончине монахини Досифеи, последовавшей 4 февраля 1810 г., старец Филарет в течение 32 лет, до самой своей кончины, продолжал нести крест духовничества, храня память о старице. «Да, великая была подвижница мать Досифея, — говорил он; — много, много она перенесла в жизни, ее терпение да послужит нам добрым примером»¹⁷.

Роль старца Филарета в духовном становлении И.В. Киреевского

В числе тех, кто обращался к старцу Филарету за духовными советами, была и Евдокия Николаевна Арбенева (1784–1831). Именно ей Н.И. Курманалеева рассказала о своем посещении старицы Досифеи и последовавшем за тем собственном прозрении в отношении старца Филарета¹⁸. Очевидно, что и Е.Н. Арбенева, и близкие ей люди знали о старице и почитали ее, хотя документальные свидетельства, подтверждающие это, пока не найдены.

До замужества Е.Н. Арбенева (урожденная Вельяминова) сподобилась быть духовной дочерью старца Серафима Саровского, а после его кончины в 1833 г. она перешла под руководство старца Филарета¹⁹, к которому с шестилетнего возраста приводила свою дочь Наталью, родившуюся в 1809 году. Отцом Натальи, четырех ее братьев и двух сестер был Петр Иоасафович Арбенин (1775 — первая треть XIX в.), тамбовский помещик, бывший в молодости камергером при императоре Павле I. Семейные воспоминания рисуют его человеком небольшого ума, безнравственным, чванливым и расточительным, не оставившим детям в наследство ничего, кроме долгов²⁰. О детских годах Натальи Петровны известно также, что ее дважды возили к преподобному Серафиму Саровскому и что он исцелил ее от серьезной болезни. Об этом она расска-

¹⁷ Там же. С. 104.

¹⁸ См.: Там же. С. 101.

¹⁹ См.: Лазарь (Афанасьев), монах. Православный философ. Духовные искания Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856) // Оптинский альманах. Вып. 2. 2008. С. 16.

²⁰ Елагина Е.И. Семейная хроника // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия. Вып. ММIV. М., 2005. С. 298.

зала в 1861 г. Н.А. Мотовилову, приехавшему в Москву хлопотать о дивеевских монахинях²¹. Хотя точные даты поездок Натальи Петровны к старцу Серафиму неизвестны, но по косвенным свидетельствам можно заключить, что она побывала в Саровской обители не в самом раннем младенчестве, поскольку у нее сохранились воспоминания о старце Серафиме. Об этом упоминает в письме к Наталье Петровне ее приятельница А.М. Веневитинова в 1850 г.: «Получила книги, за которые вам очень благодарна. Я с большим удовольствием и душевным наслаждением читаю “Жизнь отца Серафима” и убеждаюсь в истине рассказа, вспоминая, что вы мне говорили о ваших с ним сношениях»²². Можно предположить также, что поездки в Саровский монастырь были предприняты по благословению старца Филарета, не прерывавшего духовную связь с обителью преподобного Серафима.

*Вид Московского Новоспасского монастыря с юго-запада.
Открытка. Изд. П. Фон-Гиргенсон. 1900-е гг.*

Наталье Петровне Арбеневой суждено было сыграть важную роль в становлении религиозных воззрений замечательного русского писателя и философа Ивана Васильевича Киреевского, путь которого к Церкви был непростым и долгим. В юности в одном из писем к близкому другу А.И. Кошелёву он задавался вопросом: «Зачем не способен я верить!»²³ Хотя это восклицание вырвалось у него от ощущения невозможности верить в чудеса, но Иван Васильевич признавался себе, что ему вообще трудно допустить чье-то стороннее влияние на состояние его духа.

²¹ См.: *Серафим (Чичагов), архим.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. М., 2011. С. 688–689.

²² Цит. по: *Лазарь (Афанасьев), монах.* Православный философ. Духовные искания Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856) // *Оптинский альманах.* Вып. 2. 2008. С. 16.

²³ *Киреевский И.В.* Письма А.И. Кошелёву // *Русский архив.* 1909. № 5. С. 97.

Взросление И.В. Киреевского и формирование его мировоззрения пришлось на непростое время. Зерна рационализма, посеянные в умах русских людей европейским образованием, дали свои пагубные плоды. Такие духовные недуги, как маловерие, неверие и ложные верования, все больше проникали в русскую жизнь. В 1830-е гг. среди интеллектуалов уже не редким явлением был атеизм, а к середине XIX в. и нигилизм громко заявил о себе, преобразовавшись из умонастроения отдельных личностей в учение, признаваемое многими. Младший единокровный брат И.В. Киреевского Н.А. Елагин, характеризуя эпоху, в которую им довелось жить, указал на главную ее ложь: «...в высшем обществе, воспитанном на французский лад, неверие считалось признаком либеральности, а православие едва ли не служило синонимом невежества»²⁴.

Другой причиной отдаления И.В. Киреевского от Церкви можно считать

Супруги Иван Васильевич и Наталья Петровна Киреевские. С литографии Г. Митрейтера. 1830-е годы

то, что он рано лишился отца, благотворное влияние которого могло бы уберечь его от блужданий в вопросах веры. Василий Иванович Киреевский (1773–1812) был замечательным во всех отношениях человеком — благородным, умным, обладавшим редкой для своего времени образованностью. Он самоотверженно служил России и когда носил военный мундир, и когда вышел в отставку. Много сил и средств Василий Иванович отдавал делам милосердия и твердо стоял на страже православной веры, ограждая ее от вредных западных течений. Известно, что он «ненавидел энциклопедистов и скупал в Москве творения Вольтера для того, чтобы сжечь их»²⁵. Женился Василий Иванович в 1805 г. на шестнадцатилетней Авдотье Петровне Юшковой (1789–1877), приходившейся племянницей поэту В.А. Жуковскому. Поселились они в имении

В.И. Киреевского Долбино, находившемся в сорока верстах от Оптинской пустыни. Там и родились их дети Иван (1806–1856), Петр (1808–1856) и Мария (1811–1859).

Село Долбино славилось своею старинною церковью и чудотворною иконою Успения Божией Матери²⁶. В церкви служили два священника — «оба неученые». По замечанию родственника Авдотьи Петровны А.П. Петерсона, «в те времена неученые предпочитались ученым; неученые были проще, обходительнее, внимательнее к крестьянам и даже поучительнее, понятнее и воздержнее,

²⁴ Елагин Н.А. Материалы для биографии И.В. Киреевского // *Киреевский И.В.* Полное собрание сочинений: В 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 62.

²⁵ Елагина Е.И. Семейная хроника // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия. Вып. ММIV. М., 2005. С. 299.

²⁶ Церковь Успения Пресвятой Богородицы, построенная в XVII веке, была разрушена в 1930-е годы.

нежели тогдашние ученые, заносчивые»²⁷. В день престольного праздника — Успения Пресвятой Богородицы — в Долбино на богослужения стекалось множество народа из окрестных сел и городов и устраивались богатые ярмарки, на которых Василий Иванович не допускал водочной торговли.

Богослужения (молебны, вечерни, всенощные, службы Страстной седмицы) часто совершались и в помещицком доме, причем дьячков нередко заменяли дворовые, которые «читали и пели стройно старым напевом: нового Василий Иванович у себя не терпел, ни даже в церкви»²⁸.

Размеренную и счастливую жизнь семьи Киреевских прервал 1812 г. Когда в Долбино стали приходиться тревожные известия о продвижении наполеоновской армии к Москве, супруги Киреевские с детьми отправились в Орел, в трех верстах от которого находилось их имение Киреевская Слобода. В.И. Киреевский, не умевший сидеть без дела, по прибытии в Орел сразу принялся помогать бежавшим из западных губерний семьям и спасать прибывавших в город раненых. Найдя городскую больницу в ненадлежащем состоянии, Василий Иванович немедленно взялся за ее переустройство. Помогал он и раненым французам. Стремясь спасти не только их тела, но и души, он обращал в христианство этих «детей революции 1789 года»²⁹. Самоотверженная деятельность Василия Ивановича не осталась без последствий. Постоянно общаясь с больными, он заразился тифом и после одиннадцатидневной горячки скончался 1 ноября 1812 г. Первый биограф братьев Киреевских Валерий Николаевич Лясковский заметил, что кончина их отца, исполнившего до конца заповедь Христову, пришлась на день памяти безмездных врачей, бессребреников и чудотворцев Космы и Дамиана³⁰.

Воспитанием осиротевших детей, кроме Авдотьи Петровны, занялись В.А. Жуковский, любивший детей Киреевских и всю свою жизнь заботившийся о них, и с 1817 г. — отчим Алексей Андреевич Елагин (1790–1846), участник походов русской армии 1813–1814 гг. А.А. Елагин, человек умный и образованный, увлекался немецкой философией и был известен как один из первых русских шеллингианцев. Влияние отчима, обладавшего огромным запасом знаний, но при этом отрицавшего бессмертие души³¹ и не верившего в «божественного Христа»³², не могло не сказаться на формировании взглядов юного И.В. Киреевского.

Талантливый писатель, литературный критик, европейски образованный мыслитель, И.В. Киреевский в течение долгого времени не носил нательного креста и надел его только после женитьбы на Н.П. Арбеновой, приняв из ее рук крест, присланный старцем Филаретом. «Иван Киреевский никогда не был неверующим, — писал И.М. Концевич. — Еще в бытность в Германии в 1830 г.

²⁷ Петерсон А.П. Черты старинного быта // Русский архив. 1877. № 8. С. 481.

²⁸ Там же. С. 480.

²⁹ Елагина Е.И. Семейная хроника // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия. Вып. ММIV. М., 2005. С. 280.

³⁰ См.: Лясковский В.Н. Братья Киреевские. Жизнь и труды их. Спб., 1899. С. 2.

³¹ См.: Димитрий Долгушин, священник. В.А. Жуковский и И.В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма. М., 2009. С. 48–49.

³² Беэр М.В. Семейная хроника Елагиных–Беэр. Воспоминания // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия. Вып. ММIV. М., 2005. С. 334.

он советует в письме своей сестре, чтобы она ежедневно читала Евангелие. Но, будучи христианином, Иван Васильевич <...> был далек от Церкви, как почти и вся среда тогдашнего передового образованного общества»³³. Наталья Петровна помогла своему мужу изменить мирозерцание и укрепиться в православной вере.

И.В. Киреевский познакомился со старцем Филаретом вскоре после женитьбы, и это событие стало переломным в его жизни. Общение со старцем и беседы с женой помогли ему открыть для себя мир святоотеческих писаний. Старец Филарет, передавая для Ивана Васильевича свой нательный крест, сказал: «Да будет он ему во спасение». С благоговением принял Киреевский крест старца и, пав на колени, произнес: «Ну, теперь чаю спасения для души моей, ибо я в уме своем положил: если отец Филарет снимет с себя крест и мне его пришлет, то явно будет, что Бог призывает меня ко спасению». Именно с этой минуты, по словам Натальи Петровны, «заметен был решительный поворот в мыслях и чувствах Ивана Васильевича»³⁴.

В.Н. Лясковский назвал совершившийся в И.В. Киреевском духовный переворот «не обращением неверующего, а скорее удовлетворением ищущего»³⁵. Действительно, этому чудесному событию, произошедшему между 1836-м и 1838-м гг., «предшествовали многие годы постоянного вопрошания о смысле бытия человека и родного народа в их отношении к истории и к вечности»³⁶.

Оглядывая путь, приведший И.В. Киреевского в лоно православной Церкви, необходимо также отметить важную роль, которую сыграл в преобразовании внутреннего мира Ивана Васильевича его младший брат Петр Васильевич. И.М. Концевич в книге «Оптина пустынь и ее время» посвятил П.В. Киреевскому отдельную главу, выбрав для нее очень точное название: «Петр Васильевич Киреевский — праведник в миру»³⁷. Близкий друг Петра Васильевича поэт Н.М. Языков обращался к нему «мой любезнейший Петр-пустынник!»³⁸. П.В. Киреевский никогда не был женат. В одном из писем к старшему брату он признался: «Ты знаешь, что других детей, кроме

*Иван Васильевич Киреевский.
Эскиз портрета работы
Э.А. Дмитриева-Мамонова.
Бумага, карандаш. ИРЛИ*

³³ Концевич И.М. Оптиная пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995. С. 206.

³⁴ Киреевский И.В. Полное собрание сочинений; В 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 286.

³⁵ Лясковский В.Н. Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб., 1899. С. 51.

³⁶ Лазарева Н.Ю. Жизнеописание Ивана Васильевича Киреевского // Иван Васильевич Киреевский. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобным Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник. М., 2002. С. XXXIX–XL.

³⁷ См.: Концевич И.М. Оптиная пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995. С. 223–252.

³⁸ Языков Н.М. Сочинения. Л., 1982. С. 369.

твоих, я не хочу, и у меня не будет»³⁹. Главным делом своей жизни П.В. Киреевский избрал изучение истории России и славянских племен и в особенности разыскание старинных памятников народного творчества. При жизни собирателя, к сожалению, в печати появилась лишь малая часть его огромного рукописного собрания. Завершить работу и опубликовать ее результаты Петру Васильевичу помешали многие обстоятельства и прежде всего ранняя кончина, прервавшая его труды.

Прожитая П.В. Киреевским жизнь вполне оправдала данное ему при крещении имя — он остался твердым в вере христианином. Петр Васильевич благотворно влиял на всех окружавших его людей, независимо от их убеждений: будь то славянофил, западник, атеист или нигилист. Как и его отец, крестивший пленных французов и молившийся за них, Петр Васильевич прилагал все свои знания и силу убеждения для возвращения в лоно Церкви воспитанных на французский лад заблудших соотечественников. А.С. Хомяков говорил о нем, что «не видывал человека с большими миссионерскими способностями»⁴⁰.

Этапы постепенного изменения воззрений И.В. Киреевского под влиянием П.В. Киреевского сохранились в памяти их брата Н.А. Елагина: «Петр Васильевич смолоду, с особенной любовью сосредоточил все свои силы над изучением русской старины и выработал свой самостоятельный взгляд — глубокое убеждение в безусловном вреде насилия Петровского переворота, в этом отступничестве дворянства от коренных начал русской народной жизни. Он долго оставался одинок с своими убеждениями, они казались чудачеством, непоследовательностью в человеке, который искренно был предан свободе и просвещению, и Ивану Киреевскому трудно было согласить свои европейские мнения с упорным славянством брата. Их разномыслие в таком жизненном вопросе выражалось почти что в ежедневных горячих спорах <...>. Кажется, можно с уверенностью сказать, что при непрерывном, страстном обмене мыслей и сведений, взгляд старшего брата постепенно изменялся, по мере того как несокрушимо-цельное убеждение младшего укреплялось и определялось изучением современной народности и древней, веховой Руси»⁴¹.

Таким образом, продолжительный период жизни, в течение которого И.В. Киреевский, говоря словами В.Н. Лясковского, испытывал «*сердечное алкание*», завершился религиозным и мировоззренческим переворотом, и «если старец Филарет оживил в нем несознаваемую им самим веру, то Петру Васильевичу принадлежит честь научного переубеждения брата»⁴².

О передаче старцем Филаретом нательного креста И.В. Киреевскому известно из «Истории обращения Ивана Васильевича»⁴³ — рассказа Н.П. Киреевской, записанного с ее слов А.И. Кошелёвым. В этом небольшом по объему пове-

³⁹ Цит. по: Лясковский В.Н. Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб., 1899. С. 54.

⁴⁰ Елагин Н.А. Материалы для биографии И.В. Киреевского // Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: В 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 62.

⁴¹ Там же. С. 62.

⁴² Лясковский В.Н. Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб., 1899. С. 51. Здесь и далее в цитатах курсив источника.

⁴³ См.: Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: В 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 285–286.

*Петр Васильевич Киреевский.
Худ. Э.А. Дмитриев-Мамонов
1840-е гг. Картон. Масло.
55,3 × 41,5 см
Всероссийский музей А.С. Пушкина
(Санкт-Петербург)*

ствовании сохранены также важные подробности того, как постепенно менялось отношение Ивана Васильевича к философии — науке, занятию которой он посвятил многие годы:

«И.В. Киреевский женился в 1834 году на девице Наталье Петровне Арбеновой, воспитанной в правилах строгого христианского благочестия. В первые времена после свадьбы исполнение ею наших церковных обрядов и обычаев неприятно его поражало, но по свойственной ему терпимости и деликатности он ей в том нимало не препятствовал. Она, с своей стороны, была еще скорбнее поражена отсутствием в нем веры и полным пренебрежением всех обычаев Православной Церкви. Были между ними разговоры, которые оканчивались тем, что положено было ему не мешать ей в исполнении ее обязанностей, а ему быть свободным в своих действиях, но он обещал при ней не кощунствовать

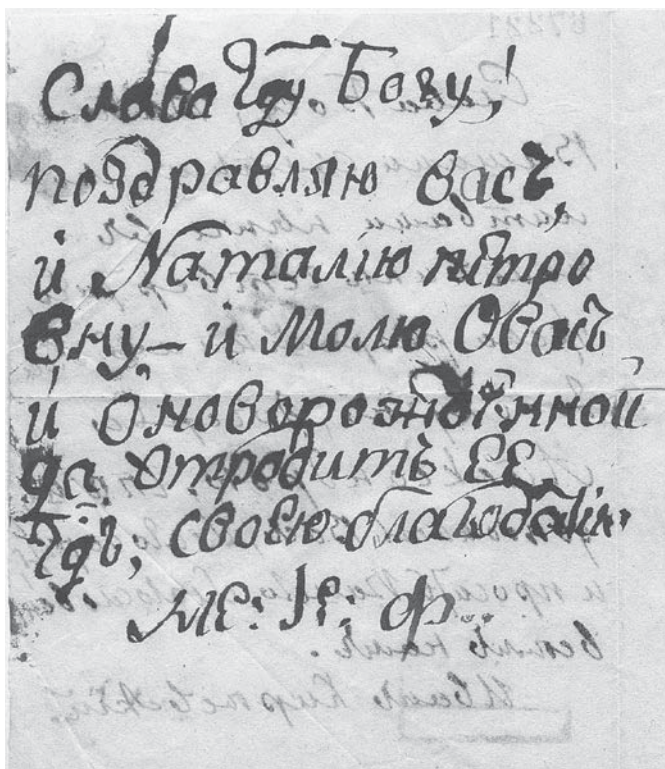
и даже всячески прекращать неприятные для нее разговоры его друзей. На второй год после женитьбы он попросил жену свою прочесть Кузена⁴⁴. Она охотно это исполнила, но когда он стал спрашивать ее мнения об этой книге, то она сказала, что много в ней хорошего, но что нового там не нашла ничего, ибо в творениях святых Отцов все это изложено гораздо глубже и удовлетворительнее. Он усмехнулся и замолчал. Он стал просить жену почитать с ним Вольтера. Она объявила ему, что готова читать всякую серьезную книгу, которую он ей предложит, но насмешки и всякое кощунство ей противны и она их не может ни слышать, ни читать. Тогда они после некоторого времени начали вместе читать Шеллинга, и когда великие, светлые мысли их останавливали и И.В. Киреевский требовал удивления от жены своей, то она сначала ему отвечала, что эти мысли ей известны из творений святых Отцов. Неоднократно она ему их показывала в книгах святых Отцов, что заставило Ивана Васильевича иногда прочитывать целые страницы. Неприятно было ему сознавать, что действительно в святых Отцах — многое, чем он восхищался в Шеллинге. Он не любил в этом сознаваться, но тайком брал у жены книги и читал их с увлечением. Знакомство с Новоспасским иноком Филаретом, беседы со святым старцем, чтение разных творений святых Отцов услаждали его и увлекали на сторону благочестия. Он ездил к о. Филарету, но всякий раз как бы по принуждению. Видно было, что ему хочется к нему ехать, но всегда нужно было какое-то принуждение. Наконец в 1842 году кончина старца Филарета окончательно утвердила его на пути благочестия»⁴⁵.

⁴⁴ Виктор Кузен (1792–1867) — французский философ.

⁴⁵ *Киреевский И.В.* Полное собрание сочинений: В 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 285–286.

Супруги И.В. и Н.П. Киреевские — духовные чада старца Филарета

Со дня, когда И.В. Киреевский впервые переступил порог кельи старца Филарета, до времени его окончательного утверждения в вере прошло восемь лет. За этот период много важных событий произошло в жизни супругов Киреевских. Среди них — рождение старших детей: Василия

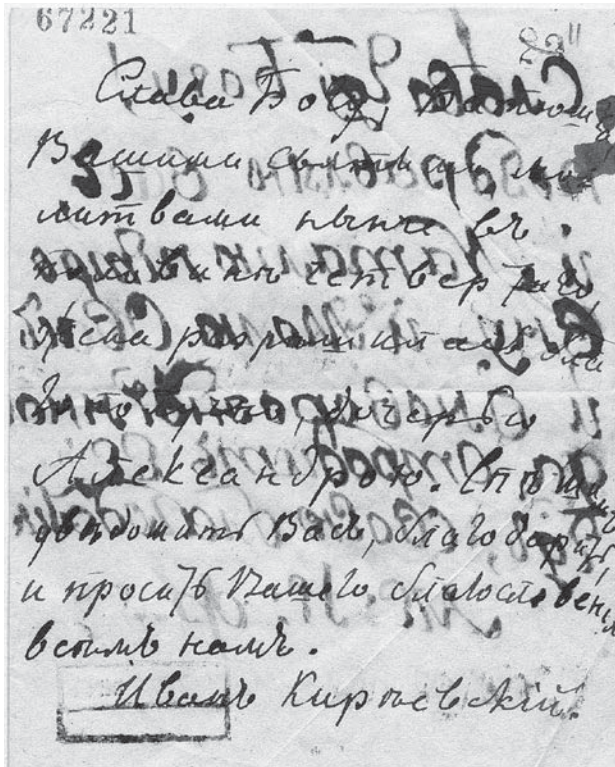
*Письмо старца Филарета (Пуляшкина)
супругам И.В. и Н.П. Киреевским
Москва. 15 декабря 1838 г. Автограф.
12,5 × 10,0 см. РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 11 об.*

(9.03.1835 — после 1911), Наталии (9.07.1836 — 7.10.1838) и Александры (15.12.1838 — ?). Поздравительные письма, написанные старцем Филаретом в связи с этими торжественными событиями, супруги Киреевские бережно хранили.

В день рождения старшего сына Василия, 9 марта 1835 года, старец написал родителям: «Слава Господу Богу — слава Господу — слава Господу Богу! Поздравляю вас усерднейше, почтеннейших во Господе родителей, с богодарованным вам сыном! Да подаст Господь сугубое здравие матери и новорожденному младенцу и Вам — усердному родителю. Молю о вас, да будет со

всеми благословение Божие. Душою вас почитающий *недостойный иеромонах Филарет*. Марта 9-го»⁴⁶.

В другой записке старца дата не поставлена. Возможно, это поздравление с рождением дочери Наталии, умершей во младенчестве: «Всеусерднейше поздравляю. Благодарение Господу Богу о матери и о невинном младенце, да удостоит Господь Бог Святого Крещения и Святого Миропомазания. Молю *недостойный иеромонах Филарет*»⁴⁷.

Письмо И.В. Киреевского
старцу Филарету (Пуляшину)
Москва. 15 декабря 1838 г. Автограф. 12,5 × 10,0 см.
РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 11.

Сохранилось также небольшое письмо старца Филарета, написанное в день рождения дочери Киреевских Александры. Недатированный автограф обнаружен нами в РГАЛИ среди писем И.В. Киреевского неустановленным лицам. Письмо Ивана Васильевича написано на небольшом листе тонкой бумаги: «Слава Богу, Батюшка, Вашими святыми молитвами нынче

⁴⁶ Лазарева Н.Ю. Жизнеописание Ивана Васильевича Киреевского // Иван Васильевич Киреевский. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобным Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник. М., 2002. С. XL–XLI. Письмо хранится в РГАЛИ (Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 1).

⁴⁷ Там же. С. XLI. Письмо хранится в РГАЛИ (Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 3).

в половине четвертого жена разрешилась благополучно дочерью Александрю. Спешим уведомить Вас, благодарить и просить Вашего благословения всем нам. Иван Киреевский»⁴⁸. Ответ старца Филарета написан на обороте того же листа: «Слава Господу Богу! Поздравляю Вас и Наталию Петровну и молю о вас и о новорожденной, да отродит ее Господь Своею благодатию. Не<достойный> ие<ромонах> Ф<иларет>»⁴⁹. Использованное старцем церковно-славянское слово *отрождение*, означающее *возрождение, рождение вновь, перерождение*, придает его пожеланию глубокий смысл: данного родителями телесного рождения младенцу недостаточно, для духовной жизни его рождает благодать Господа.

Земная жизнь старца Филарета закончилась 28 августа 1842 г. Понеся множество трудов и претерпев болезнь, он тихо отошел ко Господу. Незадолго до кончины старец объявил настоятелю монастыря архимандриту Аполлосу (Алексееву) и своему духовнику иеромонаху Филарету (Тимакову)⁵⁰, что в 1826 г. он был келейно пострижен в схиму с именем Феодор иеромонахом Афонской Горы Иннокентием, бывшим в Москве⁵¹. Погребение старца в Новоспасском монастыре состоялось 31 августа. Отпевание в Преображенском соборе совершил знавший и почитавший его митрополит Московский Филарет (Дроздов). В жизнеописании старца Филарета говорится: «Прощание митрополита с многоболезненным соименным ему старцем глубоко тронуло всех. Во время погребения было такое большое стечение народа в Новоспасском монастыре, какого, говорили, не запомнят и не бывало 6 августа, в день праздника монастырского. Не только внутренность монастыря, но и колокольня, крыши келий и ограды были наполнены народом. Когда опускали тело в землю, кто-то сказал: “Не было такого старца у Нового Спаса”»⁵².

И.В. Киреевский во время предсмертной болезни старца Филарета ухаживал за ним с сыновней любовью. Целя беседы старца и проводя долгие часы в его келье, Иван Васильевич все более преображался внутренне и укреплялся в вере. Известно, что рано утром 15 августа — в день Успения Божией Матери — к старцу, проводшему ночь в страданиях, были приглашены супруги Киреевские. Они застали его молящимся на коленях и «употребили все старание к облегчению его тяжкой болезни»⁵³.

В память о старце И.В. Киреевский оставил такие строки: «Проведя довольно время в подвигах монашеского безмолвия, старец Филарет остальную часть жизни своей посвятил на деятельное служение ближним, подавая назидательные советы и утешение всем требующим, без различия лиц и состояний. Келья его была ежедневно наполнена множеством народа всякого звания, от высших

⁴⁸ Киреевский Иван Васильевич. Письма неустановленным лицам и визитная карточка И.В. Киреевского // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 11.

⁴⁹ Там же. Л. 11 об.

⁵⁰ Об иеромонахе Филарете (Тимакове), уроженце города Калуги, переведенном в 1843 г. из Новоспасского монастыря в Оптину пустынь и скончавшегося там в 1864 г., см.: Насельники Оптиной пустыни XVII–XX веков: биографический справочник. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная пустынь, 2017. С. 759.

⁵¹ Григорий (Воинов-Борзецов), архим. Очерк жизни старца Филарета (в схиме Феодора), иеромонаха Московского ставропигиального Новоспасского монастыря // Сборник для любителей духовного чтения. Ч. 4. М., 1890. С. 111.

⁵² Там же. С. 112.

⁵³ Там же. С. 110.

сановников до последних простолюдинов. Удрученные горем, утесненные жизнь, волнуемые сомнением, уязвленные страстию, постигнутые бедою, или душевною болезнию, или даже телесными недугами, со всех сторон стекались к нему излить свои скорби пред его кротким, сострадательным участием; и — конечно, действием благодати Божией — из всех приходивших к нему с верою никто страждущий не оставлял его порога, не получив отрады: недоумевающей находил у него спасительный совет, ищущий поучения — высокое назидание, ожесточенный — умиление, отчаянный — молитву, маловерный — прояснение истины, слабодушный — подкрепление сил. В беседе его особенно ясно выражалась удивительная кротость его души, крайнее смирение, горящая любовь к ближнему, сострадательность, терпение, и красота и сила глубокого духовного ведения. Часто случалось, что от множества посетителей он не имел времени ни для трапезы, ни для краткого отдохновения, несмотря на мучительную болезнь, от которой страдал в продолжение всей своей жизни. Тем не менее, однако, рано утром и вечером, кроме часов, особенно назначенных для молитвы, находил он еще время для чтения и переписывания книг святых Отцев»⁵⁴.

«Волнуемый сомнением», «недоумевающий», «маловерный» — все эти эпитеты в полной мере относились и к самому Ивану Васильевичу, нашедшему в старце Филарете своего духовного наставника. Согретые сердечной теплотой воспоминания были написаны И.В. Киреевским в 1846 г. для предисловия к книге «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского»⁵⁵, подготовленной стараниями Оптинского старца Макария и помогавших ему духовных и светских лиц, в числе которых были и супруги Киреевские.

О значении личности старца Филарета не только для его духовных чад, но и для целой эпохи русской жизни можно сказать словами священномученика Серафима (Чичагова): «В счастливые первые тридцать лет XIX столетия в России еще были светильники и великие рабы Божии, которые, может быть, своими молитвами и спасли отечество в тяжелые години нашествия двенадцать язык и западных веяний»⁵⁶. Несомненной заслугой старца Филарета можно считать то, что именно он первым направил по верному пути стремящийся к познанию истины разум И.В. Киреевского, именно он помог Ивану Васильевичу наполнить душу благодатными дарами богообщения. Рассказанная Н.П. Киреевской «История обращения Ивана Васильевича» завершается словами: «После кончины отца Филарета Иван Васильевич, живя поблизости Оптиной пустыни, в частых беседах с отцами Леонидом, Макарием и другими старцами, все более и более укреплялся в благочестии. Он читал очень много отеческих книг, беседовал часто со старцами и все более креп для будущей своей деятельности»⁵⁷. Очевидно, что характер литературной, научной и педагогической деятельности И.В. Киреевского, начиная со второй половины 1830-х годов, был определен

⁵⁴ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Свято-Введенская Оптина пустынь. 2001. С. X.

⁵⁵ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского, с присовокуплением предисловий на книги святых Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Пресвитера и Нила Сорского, сочиненных другом его и сподвижником, старцем Василием Поляномерульским, о умном трезвении и молитве. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. М.: Унив. тип., 1847.

⁵⁶ Серафим (Чичагов), архим. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. М.: Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь, «Ковчег», 2011. С. 328.

⁵⁷ Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: В 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 286.

благотворным влиянием старца Филарета. И уже впоследствии ставший духовным наставником супругов Киреевских иеромонах Макарий (Иванов) и другие старцы Оптиной пустыни помогли Ивану Васильевичу сблечь полученный в общении со старцем Филаретом духовный опыт и преумножить его.

Литературная деятельность И.В. Киреевского и его участие в оптинском книгоиздании

О важной черте личности И.В. Киреевского, отразившейся в его творчестве, В.Н. Лясковский писал: «Иван Васильевич был в своих сочинениях по призванию деятелем общественным, и хотя вопросы житейские и практические мало занимали его, но и в занимавших его вопросах, как бы ни были они духовны и отвлечены, он всегда имел в виду поучение ближних, воздействие на общественную мысль»⁵⁸. Об этой характеристике, данной человеком, хорошо изучившим жизнь и творчество И.В. Киреевского, необходимо помнить при рассмотрении всего, чем он занимался и что писал, будь то повесть, литературная критика или философская статья. Публицистическому таланту Ивана Васильевича, однако же, не суждено было раскрыться в полной мере, ибо «время, в которое он жил, было в высшей степени неблагоприятно для публицистической деятельности»⁵⁹, а отсюда и столь малое количество изданий, в которых были опубликованы главные работы И.В. Киреевского: «Европеец» (1832), «Москвитянин» (1845), «Московский Сборник» (1852), «Русская Беседа» (1856).

После закрытия издаваемого И.В. Киреевским журнала «Европеец» и наложенного на Ивана Васильевича запрета на самостоятельную издательскую деятельность в печати появились всего две его статьи: «О русских писательницах» (1834) и «О стихотворениях г. Языкова» (1834). В 1839 г. И.В. Киреевский написал не предназначавшуюся для печати статью «В ответ А.С. Хомякову» как отклик на статью Алексея Степановича «О старом и новом». В том же году, приняв должность почетного смотрителя Белевского уездного училища, которую исполнял до самой кончины, Иван Васильевич составил «Записку о направлении и методах первоначального образования народа в России» (на имя попечителя Московского учебного округа графа С.Г. Строганова) и записку «О нужде преподавания церковнославянского языка в уездных училищах»⁶⁰ (для представления министру народного просвещения А.С. Норову).

Этот недлинный список трудов может создать впечатление творческого застоя, отсутствия полноценного движения мысли. Однако впечатление это обманчиво. Общение со старцем Филаретом обусловило исключительно важные перемены во внешней и внутренней жизни И.В. Киреевского. Период с 1834 по 1842 г. стал для него «временем вхождения в церковную жизнь, временем ее углубленного изучения, а также временем пересмотра всего своего

⁵⁸ Лясковский В.Н. Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб., 1899. С. 66.

⁵⁹ Там же. С. 67.

⁶⁰ См.: Иван Васильевич Киреевский. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобным Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник. М., 2002. С. 125–148.

мировоззрения»⁶¹. Таким образом, к началу 1840-х годов И.В. Киреевский был уже тем накопившим духовный опыт и научные знания мыслителем, которого протоиерей В.В. Зеньковский назвал «самым сильным философским умом первой половины XIX века»⁶².

В 1844 г. произошло важное событие в жизни И.В. Киреевского — он взялся за редактирование журнала «Москвитянин», соглашаясь при этом с условием, что имя его, вследствие запрета на самостоятельную издательскую деятельность, в журнале упомянуто не будет. О причинах, побудивших Ивана Васильевича вновь взяться за журнальную работу, он рассказал в письме В.А. Жуковскому в январе 1845 г. Кроме личных причин («для деятельности моей необходимо внешнее побуждение»; «журнальная деятельность мне по сердцу»; «многие из моих московских друзей объявили мне, что моя редакция “Москвитянина” будет для них причиной деятельности»), И.В. Киреевский указал на самую важную причину — владевшую им мысль, «что теперь именно пришло то время, когда выражение моих задушевных убеждений будет и не бесполезно и возможно»⁶³.

В чем же заключались те «задушевные убеждения», которые И.В. Киреевский поставил выше всех личных причин и внешних обстоятельств и которые подвигли его принять предложение редактировать журнал? В том же письме В.А. Жуковскому есть ответ на этот вопрос: «Мне казалось вероятным, что в наше время, когда западная словесность не представляет ничего особенно властвующего над умами, никакого начала, которое бы не заключало в себе внутреннего противоречия, никакого убеждения, которому бы верили сами его проповедники, что именно теперь пришел час, когда наше Православное начало духовной и умственной жизни может найти сочувствие в нашей так называемой образованной публике, жившей до сих пор на веру в западные системы. Христианская истина, хранившаяся до сих пор в одной нашей Церкви, не искаженная светскими интересами папизма, не изломанная гордостью саморазумения, не искривленная сентиментальною напряженностью мистицизма, — истина самосушная, как свод небесный, вечно новая, как рождение, неизбежная как

*Иван Васильевич Киреевский
Худ. П.П. Соколов (?). Кон. 1840-х —
нач. 1850-х гг. Бумага, карандаш.
11,2 × 9,2 см (овал). Государственный
музей А.С. Пушкина (Москва)*

⁶¹ Лазарева Н.Ю. Жизнеописание Ивана Васильевича Киреевского // Иван Васильевич Киреевский. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобным Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник. М., 2002. С. XL.

⁶² Василий Зеньковский, прот. История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 23.

⁶³ Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 236.

смерть, недомыслимая, как источник жизни, — до сих пор хранилась только в границах духовного Богомыслия. Над развитием разумным человека, над так называемым просвещением человечества господствовало начало более или менее искаженное, полужызыческое <...>. Отношение этого чистого Христианского начала к так называемой образованности человеческой составляет теперь главный жизненный вопрос для всех мыслящих у нас людей, знакомых с нашей духовною литературою. К этому же вопросу, дальше или ближе, приводятся все занимающиеся у нас древнерусскою историей. Следовательно, я мог надеяться найти сочувствие в развитии моего убеждения. Вот почему я решился испытать журнальную деятельность, хотя и знаю, что неудача в этом случае была бы мне почти не под силу. Я говорю не под силу в нравственном отношении <...>»⁶⁴.

Эти строки содержат в себе результат многолетних размышлений Ивана Васильевича и передают настрой его внутренней жизни. Протоиерей В.В. Зеньковский, говоря о собственных построениях И.В. Киреевского, пришел к заключению, что он стремился «философски раскрыть и осветить данными современности основные идеи святых Отцов о человеке и мире» и что «идея синтеза церковного сознания с высшими и ценнейшими итогами современного просвещения <...> осталась дорогой Киреевскому до конца жизни»⁶⁵.

Для журнала «Москвитянин» И.В. Киреевский трудился с осени 1844 до весны 1845 г. За этот небольшой промежуток времени он проделал огромную работу не только как редактор, но и как писатель и критик. Три первые номера обновленного «Москвитянина», подготовленные и выпущенные им в 1845 г., были восторженно приняты современниками. Однако после выхода третьего номера журнала И.В. Киреевский вынужден был отказаться от его ведения, передав все материалы, приготовленные им для следующих номеров, М.П. Погодину. Причиной тому стали многочисленные недоразумения, связанные с работой конторы М.П. Погодина, оставившего за собой права официального издателя, неаккуратность наборщиков и рассыльных, не исполнявших распоряжений И.В. Киреевского, а также вытекающие из всего этого финансовые затруднения. Моральные и физические силы Ивана Васильевича были подорваны⁶⁶. Уже в январе 1845 г. А.П. Елагина сообщала В.А. Жуковскому: «Иван теперь болен сильным расстройством нерв и глазами. Он работал все ночи в течение трех недель: Погодин поступает с ним скаречно. Заставляет всем, даже материальным его заниматься, т. е. типографией, корректурой и цензором <...>. Все, вызвавшие его на журнальное дело, оставили теперь одного действовать»⁶⁷.

Оптинский старец Макарий в письме от 24 мая 1845 г. заметил, что издание «Москвитянина» «идет в духе религиозном», и поэтому высказал сожаление, что И.В. Киреевский «по болезни своей оставляет оный на попечение других; а он имел надежду провести религиозное и нравственное направление и соединить их, как и необходимо, с наукою, — тогда как в ученом мире наука непременно разъединяется с религиєю. Это, пройдя опытом, он хотел доказать

⁶⁴ Там же. С. 236–237.

⁶⁵ *Василий Зеньковский, прот.* История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 11.

⁶⁶ См.: *Можарова М.А.* И.В. Киреевский — редактор журнала «Москвитянин» // *Острова любви БорФеда: Сборник к 90-летию Бориса Федоровича Егорова.* СПб.: Росток, 2016. С. 608–611.

⁶⁷ Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852. М., 2009. С. 536.

*Иван Васильевич Киреевский
Фотография. 1853 г.*

убеждением и, конечно, успел бы в столь полезном для человечества предприятии, но сил физических неостало»⁶⁸.

Благодаря стараниям и настойчивости И. В. Киреевского в четвертом номере журнала «Москвитянин» за 1845 г. было напечатано «Житие молдавского старца Паисия Величковского»⁶⁹, повторенное в том же году еще и в отдельных оттисках. В 1847 г. житие старца Паисия в дополненном виде и уже отдельной книгой дважды было издано в Оптиной пустыни. Эта уникальная книга фактически положила начало не менее уникальному явлению — оптинскому книгоизданию, ставшему возможным благодаря хранившимся у старца Макария рукописям творений святых Отцов в переводе старца Паисия (Величковского) и подобным же рукописям, доставшимся в наследство Н.П. Киреевской от старца Филарета (Пуляшкина). Благое дело книгоиздания благословил и принимал в нем участие митрополит Московский Филарет (Дроздов), деятельное участие принимали также цензоры — архимандрит Сергей (Ляпидевский) и протоиерей Федор Голубинский. В Оптиной пустыни старцу Макарию в его в усердных трудах помогали иеромонахи Амвросий (Гренков) — будущий великий Оптинский старец; послушник Павел Покровский — будущий иеросхимонах Платон; послушник Иоанн (в монастыре Ювеналий) Половцев — впоследствии архиепископ Виленский и Литовский; послушник Лев (в монастыре Леонид) Кавелин — впоследствии архимандрит и наместник Троице-Сергиевой лавры; сын лютеранского пастора Константин Карлович Зедергольм, прекрасно образованный, бывший одно время домашним учителем у детей Киреевских, присоединенный в 1853 г. к православной Церкви в Оптинском скиту и принявший там же в 1862 г. постриг с именем Климент. В числе светских лиц, кроме супругов Киреевских и П.В. Киреевского, в оптинском книгоиздании участвовали профессор Московского университета С.П. Шевырев, публицист и историк Т.И. Филиппов, бывший духовным сыном старца Макария, и другие знакомые И.В. Киреевского, сочувствовавшие делу издания святоотеческой литературы⁷⁰.

⁶⁸ Письма старца Макария Оптинского. СПб., 1993. С. 567.

⁶⁹ Житие молдавского старца Паисия Величковского (с его письмами и портретом) // Москвитянин. 1845. Ч. 2. № 4. Отд. Материалы для истории русской словесности и просвещения. С. 1–78.

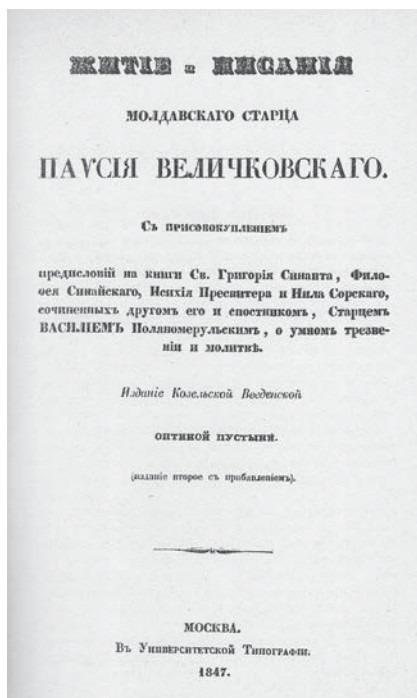
⁷⁰ Об издании книг в Оптиной пустыни см.: *Леонид (Кавелин), архим.* Житие Оптинского старца Макария: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1995. С. 159–183; *Агапит (Беловидов), схимархим.* Житие оптинского старца Макария. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2017. С. 187–248; *Лазарева Н.Ю.* Жизнеописание Ивана Васильевича Киреевского // Иван Васильевич Киреевский. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобным Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник. М., 2002. С. LIII–LX; *Каширина В.В.* Литературное наследие Оптиной пустыни. М., 2006. С. 56–206; *Бушуев С.В.* Список изданий Козельской Введенской

Переведенные прп. старцем Паисием (Величковским) с греческого языка творения святых Отцов и исправленные им древние славянские переводы святоотеческих творений, более пятидесяти лет известные только узкому кругу владельцев драгоценных рукописей, начали наконец издаваться на общую пользу. С 1847 г. под руководством старца Макария до его кончины в 1860 г. в Оптиной пустыни было издано 16 книг на русском и славянском языках. И.В. Киреевский принимал непосредственное участие в подготовке почти всех из них.

Дважды в жизни И.В. Киреевский предпринимал попытки посвятить себя самостоятельной литературно-критической и журнальной работе, но в обоих случаях эти попытки закончились для него разочарованием вследствие цензурного запрета на издательскую деятельность и других неблагоприятных внешних обстоятельств. И только с началом оптинского книгоиздания для него открылась возможность возместить понесенную утрату и в полной мере проявить свои исключительные филологические и философские дарования. Вступая на новое поприще, Иван Васильевич продолжил труды своего духовного наставника иеромонаха Филарета, готовившего к печати славянское «Добротолюбие» — собранные прп. Паисием (Величковским) творения святых Отцов.

Старец Макарий, отметив ценность и назидательность публикации в журнале «Москвитянин» в 1845 г. «Жития молдавского старца Паисия Величковского» и настойчивость, которую в этом деле проявил И.В. Киреевский, писал: «Он и жена его радуются, что Господь избрал его как бы орудием для прославления блаженного старца Паисия»⁷¹. Осознание причастности к благовому делу поддерживало Ивана Васильевича до конца его жизни.

Не раз в период работы по изданию книг к И.В. Киреевскому приходило понимание того, что на него возложена особая миссия. Замечательный случай, поразивший его самого, известен из писем Ивана Васильевича. Так, 12 августа 1852 г., когда шла подготовка к изданию книги «Духовно-подвижнических слов Исаака Сирина»⁷², он писал старцу Макарию: «Что же касается до того, что Вы изволите

Титульный лист книги «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского». Москва. 1847 г.

Оптиной пустыни, опубликованных в 1839–1917 гг. // Иван Киреевский: Духовный путь в русской мысли XIX–XXI вв. (К 200-летию со дня рождения). Сб. науч. статей. М.: Российская государственная библиотека, 2007. С. 411–432.

⁷¹ Письма старца Макария Оптинского. СПб., 1993. С. 567.

⁷² Святого отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшего Ниневийскаго, слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. М.: Унив. тип., 1854.

писать мне, чтобы я *вник и уразумел и сказал* Вам свое мнение (!) о той, не совсем понятной, материи, которая заключается между 16-й и 20-й строками 28-го листа на обороте, — то это приказание Ваше не потому удивило меня, что требовало *от меня объяснения для Вас!* Но потому показалось мне поразительным, что в самом деле Бог устроил так, что я могу Вам сообщить на это ответ. Ибо тому 16 лет, когда я в первый раз читал Исаака Сирина, Богу угодно было, чтобы я именно об этом месте просил объяснения у покойного отца Филарета Новоспасского, который сказал мне, что это место толкуется так, что под словом *глава и основание всяя твари* понимается Михаил Архангел. Видно, надобно было отцу Филарету передать это Вам, но как Вы не были тогда при нем, то Бог вложил мне в мысль спросить его именно об этом»⁷³. Разговор И.В. Киреевского со старцем Филаретом о не совсем понятном месте в переводе старца Паисия происходил в 1836 г.

В письме от 26 августа 1852 г. И.В. Киреевский пересказал старцу Макарию свою беседу с митрополитом Филаретом (Дроздовым) о том же самом месте в 17-м слове книги Исаака Сирина⁷⁴: «Когда же я сказал ему, что в той же главе есть место темное, которое даже и Вас затрудняет, то он пошел за книгой, принес <...> и прочел то место, о котором шла речь, и задумался. “Как, Ваше Высокопреосвященство, изволите понимать это?” — спросил я. “А вот, — отвечал он, показывая на поле книги, — когда я еще в первый раз читал это, то поставил вопросительный знак, который стоит еще и теперь”. Тогда я сказал ему, как покойный отец Филарет объяснял это место как относящееся к Михаилу Архангелу. “Я только хотел сказать это сам”, — прервал он меня. “Если таково было мнение отца Филарета и такое же Вашего Преосвященства, — сказал я, — то для меня, кажется, уже нет ни малейшего сомнения в значении этого места”»⁷⁵. Ни в чем не искажив перевода старца Паисия, оптинские издатели сопроводили текст Исаака Сирина подстрочными сносками с необходимыми пояснениями и дополнили книгу обширным предметным алфавитным указателем, который был составлен самим старцем Макарием⁷⁶.

Служение И.В. Киреевского делу оптинского книгоиздательства продолжалось в течение десяти лет, до самой его скоропостижной кончины в Петербурге от холеры 12 июня 1856 г. Это было время глубокого изучения им святоотеческих книг, что в полной мере отразилось в его философских трудах 1850-х гг.

В 1852 г. в «Московском сборнике» была опубликована статья И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России». Старец Макарий говорил об этой работе Ивана Васильевича: «Вот и светские мудрецы указывают нам *исход* — Отечественные Писания; недавно И.В. Киреевский прислал (как вы слышали) мне свою книжку, в которой гласно признается, что, исчерпав всю мудрость западных философов, убедился, что истины

⁷³ Иван Васильевич Киреевский. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобным Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник. М., 2002. С. 327.

⁷⁴ См.: Святого отца нашего Исаака Сирина слова духовно-подвижнические. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2004. С. 78–79.

⁷⁵ Иван Васильевич Киреевский. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобным Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник. М., 2002. С. 334.

⁷⁶ См.: *Каширина В.В.* «Драгоценнейшее из всех изданий Оптиной пустыни» // Оптинский альманах. Вып. 2. 2008. С. 95.

*Оптинский старец иеросхимонах Макарий.
Неизвестный художник
Вторая половина XIX в.
Холст. Масло*

ского собора в Оптиной пустыни. Рядом с ним покоится его младший брат П.В. Киреевский, скончавшийся 25 октября того же года от болезни и сердечной тоски по брату. Н.П. Киреевская прожила долгую жизнь, скончалась в 1900 году и была похоронена рядом с мужем.

Заключение

Главной заслугой И.В. Киреевского В.Н. Лясковский назвал «первую попытку построения философии на христианских началах»⁷⁹. И тот важный факт, что Иван Васильевич «видел в Оптиной претворение в жизнь мудрости святоотеческой»⁸⁰, имело решающее значение для итогов его философских занятий. По утверждению И.М. Концевича, «из всех мирских лиц, перебивавших в Оптиной пустыни, Киреевский ближе всех других подошел к ее духу и понял, как никто иной, ее значение как духовной вершины, где сошлись и высший духовный подвиг внутреннего делания, венчаемой изобилием благодати даров стяжания Святого Духа и одновременно служение миру во всей полноте, как в его духовых, так и житейских нуждах»⁸¹.

Важное место в творчестве И.В. Киреевского заняла тема России и Запада, наполнившая весь XIX век. Тревожась о будущем России, Киреевский искал способы подкрепить «внутренние карантинные против той нравственной заразы,

несть у них, а она таится в Писаниях Отцев Православной Церкви»⁷⁷. Говоря об этой статье в одном из писем 1852 г. и защищая автора от критики, старец писал, что, по его мнению, «довольно он показал ложное просвещение Европы, одобрил нашу Русь, указал, где искать источники просвещения: в православной Церкви и в учении святых Отцев, а не в западных философах»⁷⁸. Другая важная статья И.В. Киреевского «О необходимости и возможности новых начал для философии» (с подзаголовком «Статья I») была напечатана во 2-й книжке журнала «Русская беседа» в 1856 г. вместе с некрологом Ивана Васильевича. Работу над этой статьей он не успел завершить.

И.В. Киреевский похоронен у алтарной стены Введенского собора в Оптиной пустыни.

⁷⁷ Летопись скита Оптиной пустыни за 1852–1860 гг. // ОР РГБ. Ф. 214. Опт-361. Л. 20.

⁷⁸ Письма старца Макария Оптинского. СПб., 1993. С. 629.

⁷⁹ Лясковский В.Н. Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб., 1899. С. 98.

⁸⁰ Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995. С. 207.

⁸¹ Там же. С. 207.

от которой теперь гниет Европа». «Грустно видеть, — писал он, — каким лукавым, но неизбежным и праведно насланным безумием страдает теперь человек на Западе. Чувствуя тьму свою, он, как ночная бабочка, летит на огонь, считая его солнцем. Он кричит лягушкой и лает собакой, когда слышит Слово Божие. И этого испорченного, эту кликушу хотят отчитывать по Гегелю!» Иван Васильевич надеялся, что та болезнь, «от которой у бедного западного человека уже провалилось небо», не коснется России или, если коснется, то «какого-нибудь несущественного края нашего общества»⁸².

Оценивая состояние умов своих современников и ясно видя зияющую перед ними пропасть безверия, а также не менее опасную ложь «общего христианства», выдуманного неверующими философами, Иван Васильевич стремился предостеречь их от падения в пропасть и уклонения в ересь. Был ли услышан его голос? В.Н. Лясковский, определяя отношение идейных противников И.В. Киреевского к религиозной основе его мировоззрения, писал: «Мы не умеем подыскать более подходящего слова как *грустное удивление*. Эти люди, зная хорошо и университетское образование Киреевского, и его исключительную искренность, не понимали, как мог он, уже в зрелом возрасте, сознательно обратиться к вере и к народности в науке. <...> Оставалось предположить *ослепление*, увлечение *мистицизмом* — благо это неопределенное слово так легко поддается любому толкованию»⁸³.

Важнейшей особенностью религиозной жизни Киреевского, по словам прот. В.В. Зеньковского, являлось то, что он жил «не только религиозною *мыслью*, но и религиозным чувством», что «у него был подлинный и глубокий религиозный *опыт*». И именно в этом смысле «Киреевского надо считать, более чем кого-либо другого, выразителем того, что хранило в себе церковное сознание»⁸⁴.

Обращение к вере, изменившее всю жизнь Киреевского, не означало для него отказа от возможности свободно мыслить. Между разумом и верой для него, в отличие от многих его современников, не существовало трагического противоречия. Напротив, именно в «глубоком, живом и чистом любомудрии святых Отцов» Киреевский видел «зародыш» той будущей философии, которая «должна была уничтожить болезненное противоречие между умом и верою»⁸⁵. О тех же, кто продолжал искать собственные пути к истине, Киреевский писал в последней своей статье: «Тяжелое должно быть состояние человека, который томится внутреннею жаждою божественной истины и не находит чистой религии, которая бы могла удовлетворить этой всепроникающей потребности. Ему оставалось одно: собственными силами добывать и отыскивать из смешанного христианского предания то, что соответствовало его внутреннему понятию о христианской истине. Жалкая работа — сочинять себе веру!»⁸⁶.

Несомненно, в беседах Ивана Васильевича и со старцем Филаретом, и впоследствии с оптинскими старцами говорилось об этом не раз. «Сердце обливается кровию, — писал старец Макарий одному своему духовному чаду, — при рассуждении о нашем любезном отечестве, России, нашей матушке: куда она

⁸² Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: В 2 т. М., 1911. Т. 2. С. 250.

⁸³ Лясковский В.Н. Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб., 1899. С. 94.

⁸⁴ Василий Зеньковский, прот. История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 12.

⁸⁵ Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: В 2 т. М., 1911. Т. 1. С. 270.

⁸⁶ Киреевский И.В. Избранные статьи. М., 1984. С. 270.

мчится, чего ищет, чего ожидает? Просвещение возвышается, но мнимое — оно обманывает себя в своей надежде; юное поколение питается не млеком учения Святой Православной нашей Церкви, а каким-то иноземным, мутным, ядовитым заражается духом. И долго ли этому продолжаться?»⁸⁷

Встреча со старцем Новоспасского монастыря Филаретом была спасительной для И.В. Киреевского. По молитвам старца и благодаря примеру его христианской жизни Иван Васильевич после многолетних тщетных умственных блужданий ступил на путь Истины. Прodelать нелегкий путь переосмысления усвоенных в юности взглядов, укрепиться в вере и направить данные от Господа силы и таланты на служение Отечеству и Церкви И.В. Киреевскому помогла его жена Наталья Петровна. Промыслом Божиим супруги Киреевские были избраны для великого дела просвещения России.

Традиции монашеского делания старца Паисия (Величковского) оказали благотворное влияние на процесс возрождения национального самосознания и формирования философской мысли в России. Способствуя распространению переведенных великим старцем святоотеческих творений, И.В. Киреевский вслед за старцем Филаретом (Пуляшкиным) и вместе со старцем Макарием (Ивановым) стал, по словам В.Н. Ляковского, «уже не учеником только, но и продолжателем дела Паисия»⁸⁸. Свершившийся в И.В. Киреевском духовный поворот утвердил его в вере и помог по-новому увидеть и историческое прошлое России, и роль Православной Церкви в судьбе отечества, и значение старческого окормления для каждого христианина. «Высшее умозрение» — вот что, по убеждению И.В. Киреевского, дано Господом старцам и что делает их способными вести ближних ко спасению. «Это умозрение жизненное и живое, которое горит, как свеча, пред Господом, и освещает все вокруг себя, и зажигает светильники в чистых лампадах, Вас окружающих, — писал И.В. Киреевский старцу Макарию, — это свет, на который мы, далекие от Вас, смотрим с благоговением и любовью как на Божий дар, посланный Им на пользу, вразумление и утешение людей, Вам современных»⁸⁹. Свет святости старцев освещал и преображал души их учеников, преумножался в молитвенном общении. Личный пример старцев и живая преемственность не позволяли погаснуть «светильникам в чистых лампадах». Лучами света, бережно хранимого прп. Паисием (Величковским), прп. Серафимом Саровским, старицей Досифеей, старцем Филаретом (Пуляшкиным), старцами Оптиной пустыни, осветилось и уподобилось чистой лампаде сердце Ивана Васильевича Киреевского.

Источники

Рукописные

Киреевский Иван Васильевич. Письма неустановленным лицам и визитная карточка И.В. Киреевского // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 31. — 27 л.

⁸⁷ Цит. по: *Концевич И.М.* Оптина пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1995. С. 222.

⁸⁸ *Ляковский В.Н.* Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб., 1899. С. 50.

⁸⁹ Иван Васильевич Киреевский. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобным Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник. М., 2002. С. 388.

Летопись скита Оптиной пустыни за 1852–1860 гг. // ОР РГБ. Ф. 214. Опт-361. — 488 л.
Филарет, иеромонах. Письма Киреевскому И.В. // РГАЛИ. Ф. 236. Оп. 1. Ед. хр. 140. — 3 л.

Печатные

Агатит (Беловидов), схиархим. Житие оптинского старца Макария. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2017. — 512 с.

Беэр М.В. Семейная хроника Елагиных–Беэр. Воспоминания // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия. Вып. ММIV. М., 2005. С. 324–424.

Бушуев С.В. Список изданий Козельской Введенской Оптиной пустыни, опубликованных в 1839–1917 гг. // Иван Киреевский: Духовный путь в русской мысли XIX–XXI вв. (К 200-летию со дня рождения). Сб. науч. статей. М.: Российская государственная библиотека, 2007. С. 411–432.

Василий Зеньковский, прот. История русской философии: В 2 т. Л.: «ЭГО», 1991. (Репр.: Paris: YMCA-PRESS, 1948.)

Георгий Флоровский, прот. Пути русского богословия. Киев: Христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991. (Репр.: Paris: YMCA-PRESS, 1983.) — 600 с.

Григорий (Воинов-Борзецов), архим. Очерк жизни старца Филарета (в схиме Феодора), иеромонаха Московского ставропигиального Новоспасского монастыря // Сборник для любителей духовного чтения. Ч. 4. М.: Унив. тип., 1890. С. 89–113.

Димитрий Долгушин, священник. В.А. Жуковский и И.В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 352 с.

Елагин Н.А. Материалы для биографии И.В. Киреевского // *Киреевский И.В.* Полное собрание сочинений: В 2 т. М.: Унив. тип., 1911. Т 1. С. 1–82.

Елагина Е.И. Семейная хроника // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия. Вып. ММIV. М., 2005. С. 271–323.

Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Свято-Введенская Оптина пустынь. 2001. (Репр.: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского, с присокуплением предисловий на книги святых Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Пресвитера и Нила Сорского, сочиненных другом его и сподвижником, старцем Василием Поляномерульским, о умном трезвении и молитве. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. М.: Унив. тип., 1847.) — 6 + XVI + 356 с.

Житие молдавского старца Паисия Величковского (с его письмами и портретом) // Москвитянин. 1845. Ч. 2. № 4. Отд. Материалы для истории русской словесности и просвещения. С. 1–78.

Иван Васильевич Киреевский. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобным Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник. М.: Правило веры, 2002. — 662 с.

Каширина В.В. «Драгоценнейшее из всех изданий Оптиной пустыни» // Оптинский альманах. Вып. 2: Оптина пустынь и русская культура. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2008. С. 82–99.

Каширина В.В. Литературное наследие Оптиной пустыни. М.: ИМЛИ РАН, 2006. — 512 с.

Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. — 383 с.

Киреевский И.В. Письма А.И. Кошелёву // Русский архив. 1909. № 5. С. 95–106.

Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: В 2 т. М.: Унив. тип., 1911.

Концевич И.М. Оптина пустынь и ее время. Свято-Троицкая Сергиева лавра. Изд. отдел Владимирской епархии, 1995. (Репр.: Holy Trinity Monastery. Jordanville. N. Y. 1970.) — 608 с.

Лазарева Н.Ю. Жизнеописание Ивана Васильевича Киреевского // Иван Васильевич Киреевский. Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобным Макарием (Ивановым), старцем Оптиной пустыни. Дневник. М.: Правило веры, 2002. С. III–LXXIV.

Лазарь (Афанасьев), монах. Православный философ. Духовные искания Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856) // Оптинский альманах. Вып. 2: Оптина пустынь и русская культура. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2008. С. 7–35.

Леонид (Кавелин), архим. Житие Оптинского старца Макария: Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1995. (Репр.: Сказание о жизни и подвигах блаженного памяти старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария, составленное И. Л. М.: Тип. Готье, 1861.) — 184 с.

Лясковский В.Н. Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб.: Типография «В.С. Балашев и К^о», 1899. — 100 с.

Макарий (Миролобов), архим. Сказание о жизни и трудах преосвященнейшего Гавриила, митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1857. — 146 + 3 с.

Можсарова М.А. И.В. Киреевский — редактор журнала «Москвитянин» // Острова любви БорФеда: Сборник к 90-летию Бориса Федоровича Егорова. СПб.: Росток, 2016. С. 608–611.

Насельники Оптиной пустыни XVII–XX веков: биографический справочник. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2017. — 808 с.

Переписка В.А. Жуковского и А.П. Елагиной: 1813–1852. М.: Знак, 2009. — 728 с.

Петерсон А.П. Черты старинного быта // Русский архив. 1877. № 8. С. 479–482.

Письма старца Макария Оптинского. СПб.: Изд-во Л. С. Яковлевой, 1993. (Репр.: Собрание писем блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Макария. Издание Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1862.) — 760 с.

Савва (Михеев), митр.; Виденева А.Е. Московский Новоспасский монастырь: очерки истории XVII — начала XXI столетия. М.: Новоспасский монастырь, 2019. — 960 с.

Серафим (Чичагов), архим. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. М.: Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь, «Ковчег», 2011. — 896 с.

Святого отца нашего Исаака Сирина слова духовно-подвижнические. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2004. (Репр.: Святого отца нашего Исаака Сирина, епископа бывшего Ниневийского, слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. М.: Унив. тип., 1854.) — 480 + 78 с.

Сн<егирёв> И.<М.> Новоспасский монастырь. М.: Тип. С. Селивановского, 1843. — 140 с.

Сн<егирёв> И.<М.> Новоспасский монастырь. М.: Тип. А. Семена, 1843. — 148 с.

<Ювеналий (Половцев), архим.> Житие преподобного схиархимандрита Моисея Путилова. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1992. (Репр.: Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882.) — 272 с.

Языков Н.М. Сочинения. Л.: Художественная литература, 1982. — 448 с.